

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на 3 мѣсяца. 5 франк.
» 2 мѣсяца. 3 »
» 1 мѣсяць 2 »

ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦѢ
1 И 15 ЧИСЛА

Отдѣльные номера продаются
по 1 франку въ книжномъ магазинѣ
H. GEORG, Genève, rue de la
Corraterie, 10.

Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal « LA PAROLE LIBRE », Chemin Dancet, 15, Genève.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

Prix du numéro: 1 Franc.

20-е ЯНВАРЯ 1883

СОДЕРЖАНИЕ.

1) Конституція и народъ. — 2) Причины перевѣса чиновничества надъ земствомъ. — 3) Конецъ крамолы и сохраненіе осады. — 4) Студенческія волненія въ Харьковѣ (Письмо въ редакцію «Вольнаго Слова»). — 5) Земскіе проекты. II. Новгородское земство о мѣстномъ управленіи и крестьянскомъ землевладѣніи. — 6) Восемнадцать лѣтъ войны чиновничества съ земствомъ I—II. З. С. — 7) Быть или не быть парламентаризму? (Окончаніе), В. Гольштейна. — 8) Пропаганда и заговоръ въ южной арміи въ 1825 г. (Окончаніе), Ц. — 9) Новѣйшіе подходы къ социальному вопросу (Берлинскія письма). I. Argus. — 10) Письма о политическо-соціальныхъ партіяхъ во Франціи. V. Союзы рабочихъ и социалистическія фракціи, Н. Жебуева. — 11) Послѣдніе крестьянскіе митинги въ Австріи, I. В. Мак. — 12) Извѣстія и замѣтки: I. Одинъ изъ казенныхъ російскихъ юбилеевъ. II. Слухи о высылкѣ изъ Петербурга гг. Н. Михайловскаго и Шелгунова.

ЖЕНЕВА, 20 января 1883.

Мы надѣемся, что читатель не забылъ писемъ изъ Сибири, полныхъ интересныхъ фактовъ, «Крестьянскіи переселенія и надежды», помѣщенныхъ въ 50 и 51 номерахъ «Вольнаго Слова». Мы намѣрены сегодня ухватиться за одну фразу изъ этихъ писемъ: «какъ всѣ чаянія русской интеллигенціи вертятся вокругъ одного (?) : конституціи, — народныя надежды сводятся тоже къ одному: къ землѣ» (№ 51, стр. 9), и поговорить о томъ, дѣйствительно ли и въ народѣ нѣтъ чаянія своего рода конституціи?

Намъ кажется, что есть. Мы уже напомнимъ, въ примѣчаніи къ первому письму нашего сибирскаго сотрудника, крестьянскую фразу, которую мы встрѣтили въ одной изъ корреспонденцій въ «Недѣль», т. е. въ той именно газетѣ, которая изъ-за довольно туманнаго народничества (и будто подъ цензурою народничество можетъ быть не туманнымъ даже при ясности мысли у его адептовъ?) борется, съ достойнымъ лучшей цѣли усердіемъ, противъ «либерализма». Фраза эта свидѣтельствуетъ, что народъ стремится переселиться туда, «гдѣ земли побольше, а начальства поменьше».

Въ помѣщенномъ въ 40 №-рѣ «В. Сл.» письмѣ изъ Бѣлоруссіи встрѣчаемъ крестьянскую фразу, которая гласитъ въ переводѣ: «кажется, такъ много платимъ, такъ много этого начальства, а жить трудно, край припѣсненъ, обголенъ». Въ томъ же №-рѣ нашъ корреспондентъ изъ правобережной Украины говоритъ: «теперь чаще, чѣмъ прежде, приходится слышать отъ крестьянъ разсужденія, выражающіяся въ слѣдующихъ словахъ: «не надо намъ этихъ чиновниковъ; управимся сами» (стр. 7).

Развѣ же это не «конституціонныя стремленія»? Развѣ описанные въ прошломъ №-рѣ нашей газеты самовольные опыты галицкихъ крестьянъ (такихъ же украинцевъ, какъ и жители юго-западной Россіи) устроить громадскую автономію — не конституціонные опыты? Правда, галицкіе крестьяне, устраивая такъ, чтобы громада была «сама въ себѣ» (подумай, что они по гречески учились или, по крайней мѣрѣ, Прудона читали!), въ то же время говорили, что такая воля пришла имъ отъ «царя» и что громада и впредь будетъ зависѣть отъ этого царя, — а теперь замѣняютъ царя «Маскалемъ». Но если бъ не было такой мнѣологической примѣсы къ конституціоннымъ стремленіямъ украинскіхъ крестьянъ, тогда бы и въ самомъ дѣлѣ не было разницы между ними и авторомъ книги «Du principe fédératif». На то и есть «интеллигенція», чтобы систематизировать и повести дальше стремленія «народа». А что точка соприкосновенія между конституціонными стремленіями интеллигенціи и народа существуетъ, — это кажется намъ несомнѣннымъ. Бѣда только въ томъ, что конституціоналисты интеллигентные запяты мыслію больше о верхушкахъ конституціоннаго зданія, — парламентахъ, министрахъ, царяхъ, президентахъ, и, по разнымъ причинамъ (своекорыстію, недомыслію, мечтамъ о благодѣтельности народа посредствомъ воздѣйствій власти и пр.), оставляютъ безъ вниманія разработку вопроса о нижнихъ его этажахъ, наиболѣе близкихъ простому народу, — а этотъ

послѣдній, по другимъ причинамъ (главнымъ образомъ по узкости своей сферы опыта), не имѣетъ понятія объ устройствѣ самоуправленія на дальнѣйшихъ отъ непосредственно его касающихся ступеняхъ общественной террасы. Но, напр., галицкіе крестьяне, пренебрегая нынѣшней австрійской конституціей и радуясь возможности отиѣны «Маскалемъ» нынѣшнихъ уѣздныхъ учрежденій, въ то же время стоятъ за «вольность» въ громадскомъ устройствѣ. Мало того, — эти крестьяне, разъ устроивши себѣ (незаконно) автономную громаду (въ Жабѣ), обращаются съ «радами» (совѣтами) въ другія громады и, такимъ образомъ, вступаютъ на дорогу къ болѣе широкимъ организаціямъ: сначала, конечно, волостнымъ, уѣзднымъ, а дальше къ областнымъ и государственнымъ, конечно, на томъ же автономномъ началѣ. Если такъ называемая интеллигенція, сама отрѣшившись отъ централистически-бюрократической метафизики, станетъ на реальную почву интересовъ лицъ и группъ, сообразно естественному росту этихъ интересовъ, требующихъ, для ихъ удовлетворенія, все большихъ общественныхъ союзовъ, — то интеллигенціи этой не трудно будетъ сойтись съ народомъ и помочь ему сознать необходимость расширенія этихъ союзовъ, а равно и необходимость основанія и самаго широкаго изъ нихъ на началѣ представительномъ, а не единоличномъ. Такимъ образомъ будетъ наполнена пропасть, раздѣляющая теперь конституціонныя (если уже употреблять это слово) стремленія такъ называемыхъ интеллигенціи и народа, и эти стремленія сомкнутся въ цѣль послѣдовательныхъ круговъ самоуправленія. Само собою разумѣется, что при этомъ не должно быть (да и не можетъ быть) забываемо, что самоуправленіе есть только форма, которая должна быть наполнена реальнымъ содержаніемъ: удовлетвореніемъ нуждъ населенія, экономическихъ и культурныхъ.

Обращаясь къ интеллигенціи народовъ, входящихъ въ составъ Россіи, мы съ удовольствіемъ видимъ, что интеллигенція эта

ранія, уѣздъ долженъ быть раздѣленъ на мѣстности сообразно удобству и особенностямъ каждой отдѣльной мѣстности. Мѣстные собранія для выбора представителей мѣстности или гласныхъ въ уѣздныя собранія должны состоять изъ представителей каждой общины, изъ владѣльцевъ личной собственности поземельной и изъ всѣхъ лицъ, платящихъ въ доходъ земства опредѣленный налогъ.

Уѣздныя земскія собранія распредѣляютъ обязанности и повинности земства на общеоуѣзныя и мѣстныя и, такимъ образомъ, опредѣляются предметы вѣдомства мѣстныхъ собраній.

Разсматривая разнообразныя отрасли государственнаго и общественнаго управленія, собраніе признало крайній вредъ централизаци для удовлетворенія многихъ, чисто мѣстныхъ потребностей въ родѣ народнаго образованія, продовольствія народнаго развитія и т. п., при чемъ не возможенъ контроль общественный, представляющій единственную гарантію противъ злоупотребленій исполнительныхъ органовъ. Кроме того, существующій порядокъ, при которомъ многіе предметы вѣдомства земскихъ учреждений, переданные имъ попеченію, вмѣстѣ съ тѣмъ остаются въ завѣдываніи разнообразныхъ правительственныхъ учреждений и властей, неизбежно влечетъ за собой полную безотвѣтственность и безплодныя пререканія, крайне вредно отражающіяся на ходѣ всѣхъ дѣлъ. Вслѣдствіе этого, собраніе признало, что земскія учрежденія должны удовлетворять всѣмъ потребностямъ мѣстнаго управленія и обнимать всѣ интересы мѣстности. Кругъ вѣдомства земскихъ учреждений долженъ быть точно опредѣленъ закономъ—и въ предѣлахъ своего вѣдомства, земскія учрежденія должны пользоваться полною самостоятельностью; заботы о благоустройствѣ, предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, кроме общегосударственныхъ, должны быть ввѣрены также земскимъ учрежденіямъ, которыя завѣдывали бы организаціей губернской и земской полиціи.

Земство, обязанное принимать мѣры для развитія народнаго благосостоянія, по благоустройству общественной и личной безопасности, вмѣстѣ съ тѣмъ является отвѣтственнымъ передъ государствомъ за исправное поступленіе всѣхъ прямыхъ налоговъ, слѣдующихъ въ доходъ государственнаго казначейства. Государственные налоги должны распредѣляться вмѣстѣ съ губернскимъ земскимъ сборомъ по уѣздамъ; затѣмъ уѣздныя собранія или мѣстные сходы распредѣляли бы причитающуюся сумму налоговъ между прямыми плательщиками на общихъ основаніяхъ, принятыхъ для раскладки земскаго сбора. Изъ всѣхъ постановленій должны дѣлаться ежемѣсячныя отчисленія въ государственное казначейство въ счетъ уплаты государственныхъ налоговъ.

По отношенію къ выкупнымъ платежамъ Собраніе признало единогласно, что размѣръ

выкупныхъ платежей за землю, отведенную въ надѣлъ крестьянамъ, не соответствуетъ ни платежнымъ силамъ населенія, ни доходности надѣльной земли, и вслѣдствіе этого основная задача реформы 1861 года—обеспечить быть крестьянъ—представляется невыполненною. Что же касается до мѣръ врачеванія этого зла, то собраніе признало, что въ такомъ важномъ вопросѣ, отъ рѣшенія котораго зависитъ благосостояніе большинства населенія, паллиативныя мѣры не могутъ дать желаемыхъ результатовъ. Необходимы радикальныя мѣры для того, чтобы предупредить обнищаніе и распадъ крестьянской общины. По мнѣнію Собранія, мѣры эти заключаются въ слѣдующемъ: оброчная подать государственныхъ крестьянъ и часть выкупныхъ платежей, соответствующая величинѣ оброчной подати, должны быть причислены къ общегосударственнымъ доходамъ и распределены на всѣ предметы обложенія на указанныхъ выше основаніяхъ. Затѣмъ капитальный долгъ по выкупной операціи долженъ быть причисленъ къ общимъ государственнымъ долгамъ и подлежать погашенію на общихъ основаніяхъ. Выкупленные, такимъ образомъ, земли поступаютъ въ пользованіе общины на тѣхъ же общихъ основаніяхъ, на которыхъ предоставлены надѣлы государственнымъ крестьянамъ, т. е. безъ права выкупа въ личную собственность.

При преніяхъ, въ доказательство необходимости подобныхъ мѣръ, между прочимъ, говорилось: что въ настоящее время фактически крестьянамъ въ надѣлъ земли превышаютъ ихъ доходность и платежныя силы большинства населенія. Естественнымъ слѣдствіемъ необеспеченности массы земледѣльческаго населенія является неудовлетворительное состояніе государственныхъ финансовъ, что отражается на интересахъ всѣхъ жителей государства.

Такимъ образомъ въ интересахъ, какъ государства, такъ и частнаго каждаго лица,—поставить земледѣльческое населеніе въ такое положеніе, при которомъ оно могло бы улучшить свое экономическое положеніе.

Между прочимъ, на собраніи заявлялось также, что даровая раздача крестьянамъ отъ государства земли, которая имѣетъ дѣйствительную цѣнность только для лицъ, имѣющихъ возможность приложить къ ней свой трудъ, по существу не представляетъ ничего ненормальнаго, и если въ былыя времена земли раздавались государствомъ дворянскому сословію, то отчего же не раздавать ихъ другому сословію, занимающемуся исключительно земледѣліемъ.

ВОСЕМНАДЦАТЬ ЛѢТЪ ВОЙНЫ ЧИНОВНИЧЕСТВА СЪ ЗЕМСТВОМЪ.

I.

Почти всѣ вопросы политической жизни государства нашего времени сводятся къ вопросу о самоуправленіи, который распадается на два главныхъ подраздѣленія: самоуправленіе общегосударственное и самоуправленіе мѣстное. Въ цивилизованныхъ странахъ теперь нѣтъ сколько нибудь развитыхъ людей, которые бы не признавали хотя

въ какой бы то ни было долѣ необходимости участія въ завѣдываніи общественными дѣлами того, что когда то называлось «ограниченнымъ умомъ подданныхъ», и если есть въ нихъ еще государственные мужи, которые сомнѣваются въ способности этого ума справиться съ вопросами «вышей» политики, особенно въ дѣлахъ иностранныхъ, то въ самихъ странахъ, гдѣ эти сомнѣнія выражаются государственными мужами съ наибольшею откровенностью,—гранничашею съ паглотію,—уже никто не смѣетъ отрицать способности «ограниченнаго ума подданныхъ» управляться съ дѣлами имъ близкими, мѣстными. Въ пользу необходимости, по крайней мѣрѣ, мѣстнаго самоуправленія говоритъ теперь даже желаніе высокихъ политиковъ сбыть съ себя обузу «мелочей», сберечь расходы на мелкое чиновничество,—если уже не сомнѣніе въ томъ, что люди чиновническаго ремесла и промысла въ состояніи такъ вести дѣла общественной жизни, чтобы мѣстности могли по крайней мѣрѣ доставлять государству средства для достиженія его высокихъ цѣлей, не говоря уже о жизни этихъ мѣстностей для самихъ себя. Вотъ почему даже въ такой странѣ плохо скрываемою политической диктатуры, какъ Пруссія, въ послѣднее время вырабатываются и осуществляются проекты мѣстнаго самоуправленія, которымъ могутъ позавидовать централизованныя парламентскія государства и республики, въ родѣ французской.

Въ нашемъ отечествѣ уже одно пространство, при невѣжествѣ и хищническихъ привычкахъ класса чиновническаго промысла,—который, классъ, столь не похожъ на бюрократію прусскую,—придаетъ вопросу о самоуправленіи, по крайней мѣрѣ мѣстному, особенную важность. Не знаемъ даже нужно ли какому нибудь подданному русскаго государства доказывать неспособность названнаго класса къ веденію какихъ бы то ни было общественныхъ дѣлъ, послѣ того какъ сами верхушки этого класса, при всей ограниченности ихъ разума,—фатально обусловливаемой тѣснотою ихъ сферы наблюденія и ослабленіемъ способностей къ этому наблюденію на той высотѣ, на какой они рождаются, растутъ и правятъ,—сознались недавно по крайней мѣрѣ въ одной слабости нашего чиновническаго класса: въ хищеніи. Но если бы кому нибудь нужно было доказывать всѣмъ намъ извѣстныя вещи, тому советуемъ обратиться къ документамъ за первое время послѣ введенія въ Россію земскихъ учреждений, къ отчетамъ этихъ послѣднихъ о томъ, въ какомъ видѣ они застали ту часть общественныхъ дѣлъ, какаю только отведена была въ ихъ завѣдываніе. По этимъ отчетамъ, особенно для умѣющаго читать ихъ, области общественной жизни, находящіяся въ рукахъ людей чиновническаго промысла, представлялись точно претерпѣвшими непріятельское нашествіе. Въ одномъ мѣстѣ земство, взаимнѣ хлѣбныхъ магазиновъ, находило гнилые и пустые амбары; въ другомъ совсѣмъ не находило куда то пронавшихъ и уже забытыхъ населеніемъ школъ, значившихся въ отчетахъ и ежегодно получавшихъ деньги на содержаніе. Тамъ куда то исчезъ мостъ, ежегодно исправляемый; здѣсь—больница. Докладъ Чердынской уѣздною управы такъ описывалъ

товъ (гласныхъ) въ Россіи похожъ на австрійскій избирательный законъ: гласные избиратели отъ крупныхъ и меньшихъ землевладѣльцевъ, большая часть дворянъ (отъ первыхъ прямо, отъ другихъ косвенно), отъ городовъ (по имущ. цензу) и отъ сельскихъ обществъ. (Ред.)

пріемъ въ свои руки предметовъ своего вѣденія: «заглянули въ магазины: въ одномъ совершенно пусто, въ другомъ извѣденныя крысами какіе то тюки. Справляются: оказывается, что это опечатанное имущество какихъ то бѣглыхъ раскольниковъ. Вскрываютъ: взаимныя имущества — гнѣздо крысъ. Хлѣба, значащагося въ отчетахъ,—ни зернушка. Продовольственные капиталы оказались фикціей, обмѣненіе полей фикція, медицина — тоже. Если же гдѣ больницы не оказались фикціей, то служили пугаломъ, считаясь предверіемъ кладбищъ».

Прекрасно сознавая такое положеніе дѣлъ въ рукахъ чиновничества, всѣ мыслящіе люди въ Россіи, какъ только заговорено было о реформахъ въ прошлое царствованіе, тотчасъ же высказались противъ чиновническаго управленія—за самоуправленіе, за земство. Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, умѣстно напомнить, что въ то время, т. е. въ концѣ 50-хъ годовъ, подъ словомъ земство разумѣлось нѣчто гораздо болѣе широкое, чѣмъ земскія учрежденія, дарованныя Положеніемъ 1864 г. И тогдашніе консерваторы, т. е. помѣщики-крѣпостники, и тогдашніе прогрессисты, т. е. сторонники эмансипаціи крестьянъ съ возможно широкимъ выкупомъ для нихъ земли, желали такого рода земскихъ учрежденій, при которыхъ бы въ руки выборныхъ людей передались были не только такъ называемыя хозяйственныя дѣла уѣздовъ и губерній, но и ихъ администрація.*)

Какъ извѣстно, вышла иначе. Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ 1864 г. далеко не дало того, что требовало общественное мнѣніе; относительно участія въ мѣстной администраціи, а также въ отношеніи права ходатайствованія о мѣстныхъ нуждахъ передъ высшимъ правительствомъ Положеніе 1864 г. дало всесословному земству даже менѣе правъ, чѣмъ давала дворянскому сословію грамота Екатерины II, — такъ что въ этихъ отношеніяхъ земское Положеніе было рѣшительнымъ шагомъ назадъ.

Правда, за то оно установило въ Россійской имперіи первый опытъ всесословнаго

представительства и общало для него самостоятельность дѣйствій хотя бы и въ тѣсномъ кругѣ дѣлъ. Еще съ 1859 г. правительство въ своихъ распоряженіяхъ относительно образованія комиссій для пересмотра положеній и выработки проектовъ устройства полицейскихъ, мировыхъ и земскихъ учрежденій общало образованіе, по крайней мѣрѣ, «хозяйственнаго» управленія въ уѣздахъ, основаннаго на выборномъ началѣ, вполне «самостоятельнаго». Объяснительная записка, приложенная къ проекту земскихъ учреждений, говорила, что задачей проекта было «по возможности полное и послѣдовательное развитіе начала мѣстнаго самоуправленія». Фраза о томъ, что «земское управленіе есть только особый органъ государственной власти и отъ нея (?) получаетъ всѣ права и полномочія», — никакъ не предвѣщала того отношенія представителей правительства къ земству, какъ къ едва терпимой и даже подлежащей военнымъ дѣйствіямъ сторонѣ, какое показала намъ практика,—она скорѣе обѣщала распространеніе круга дѣйствій земствъ и на администрацію, т. е. собственно на «управленіе». Далѣе проектъ говорилъ такіа сладкія рѣчи: «земскимъ учрежденіямъ должна быть ввѣрена самостоятельная власть въ заведываніи дѣлами мѣстнаго хозяйства губерній и уѣздовъ». «Доколѣ дѣйствія земскихъ учрежденій касаются только мѣстныхъ интересовъ, нѣтъ надобности въ участіи правительственной власти, прямомъ ея внимательствѣ и вліяніи на ходъ дѣла. Опытъ показываетъ, что во многихъ дѣлахъ мѣстнаго хозяйства прямое участіе двухъ различныхъ по началу своему властей приноситъ мало полезныхъ результатовъ и ведетъ къ совершенному почти уничтоженію законнаго вліянія на ходъ дѣла или къ пререканіямъ и взаимному противудѣйствію органовъ той или другой власти». Само Положеніе 1864 г. въ подробностяхъ оказалось вовсе не такъ сладкимъ для «власти» даже хозяйственныхъ выборовныхъ учрежденій въ уѣздахъ и губерніяхъ, такъ какъ имъ почти на каждомъ шагѣ положенъ предѣлъ въ лицѣ представителя «другой власти», — губернатора, но все же говорило, что «земскія учрежденія, въ кругу ввѣренныхъ имъ дѣлъ дѣйствуютъ самостоятельно», — а правительство устало своихъ официальныхъ органовъ, — «Сѣверной Почты» и даже губернаторовъ, — успокаивало возникшія опасенія указаніемъ на то, что новыя учрежденія только опыты, какъ бы школа представительства и намекало на ихъ расширеніе. При открытіи перваго земскаго собранія въ Петербургѣ представитель правительства говорилъ: «Руководитесь вѣрою въ того, кто совершилъ освобожденіе крестьянъ и ввелъ судебную реформу, кто въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ даровалъ отечеству путемъ послѣдовательныхъ преобразованій тѣ благодѣянія, которыя многія государства пріобрѣли годами тяжкихъ несправедливостей».

Первые избиратели земскихъ представителей и отнеслись съ довѣріемъ къ новымъ учрежденіямъ, избравъ въ нихъ дѣйствительно лучшихъ людей изъ тѣхъ категорій населенія, которыя подлежали избранію, — а выбранные гласные принялись съ горячимъ усердіемъ за ввѣренные имъ дѣла, отложивъ въ сторону мысль о расширеніи круга этихъ

дѣлъ и оставивъ безъ вниманія всѣ зловѣщіе признаки, какіе можно было усмотрѣть въ редакціи земскаго Положенія. Но и въ такомъ скромномъ своемъ видѣ дѣятельность земскихъ людей оказалась страшною для людей чиновническаго промысла, низшихъ и высшихъ, — и они съ перваго же разу принялись за борьбу противъ земскихъ учрежденій всеми возможными способами. Въ борьбѣ этой верховная власть приняла*) сторону чиновничества—и земскіе люди оказались разбитыми. Вмѣстѣ съ ними оказалась разбитой, конечно, и сама страна, какъ это знаменуетъ повсемѣстнымъ ея обѣднѣніемъ, при постоянномъ возрастаніи государственныхъ расходовъ. Лучшимъ показателемъ той роли, какую играютъ въ этомъ обѣднѣніи люди чиновническаго промысла, служитъ то обстоятельство, что, несмотря на всѣ реформы, которыя, по вѣдомому, должны бы были сократить расходы на содержаніе этихъ людей, такъ какъ имъ должны бы были сокращать ихъ компетенцію, — расходы на бюрократію въ Россіи не уменьшились, а увеличились почти вдвое. Такъ, напр., министерство государственныхъ имуществъ потеряло всякое почти значеніе послѣ выхода изъ его вѣденія государственныхъ крестьянъ, — а между тѣмъ бюджетъ его увеличился съ 9 милліоновъ на 11; бюджетъ губернскихъ правленій, передавшихъ земству поначалу о народномъ хозяйствѣ, а судамъ многія другія изъ прежнихъ дѣлъ, — увеличился болѣе, чѣмъ вдвое: съ 1.394.000 до 2.862.000 р., бюджетъ полиціи съ 4¹/₂ милл. до 10¹/₂ милл. и т. д. Цифры эти показываютъ, что новыя учрежденія, въ томъ числѣ и земскія, сопровождались не уменьшеніемъ, а увеличеніемъ приказнаго элемента. Понятно, что элементъ этотъ уже не чувствовалъ самосохраненія долженъ былъ вступать въ борьбу съ новыми выборными учрежденіями, и постараться отнять у нихъ и ту долю жизни, какая была отведена имъ Положеніемъ 1864 г., а вмѣстѣ съ тѣмъ помышлялъ имъ принести ту долю пользы страдѣ, какую они могли принести и при тѣхъ старыхъ правахъ, какія за ними были признаны закономъ. Законодатель же, — если только въ Россіи можно говорить о какомъ либо законодателѣ, видѣ того же самаго приказнаго элемента, — игралъ во всемъ этомъ дѣлѣ самую позорную роль: онъ шелъ по слѣдамъ приказнаго элемента, искажая въ угоду ему самымъ же имъ созданнымъ законамъ, которые должны были создать въ странѣ рациональное управленіе, основанное на выборномъ началѣ отъ всѣхъ сословій.

Исторіи этой борьбы приказнаго элемента съ выборными отъ всѣхъ сословій земскими учрежденіями и поддержкѣ, какую высшая правительственная власть, законодательство, оказывала приказному элементу въ этой борьбѣ, и будутъ посвящены очерки, которые мы предлагаемъ здѣсь вниманію читателей.

II.

Двуличное отношеніе высшаго правительства къ созданнымъ имъ земскимъ учрежденіямъ 1864 г. проявилось съ самаго начала, съ самой редакціи проекта Положенія объ этихъ учрежденіяхъ. Такъ, уже въ объяснительной запискѣ къ этому проекту, на рѣ-

*) Какъ и слѣдовало ожидать. (Ред.)

*) Насъ бы далеко завело подробное разсмотрѣніе того, чего ждало общество въ Россіи отъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Мы ограничимся здѣсь напоминаніемъ заявленій и ходатайствъ, состоявшихся въ 1859—60 гг. со стороны лицъ и корпорацій, далеко не крайнихъ. Такъ, 16 октября 1859 г. пять дворянскихъ депутатовъ въ редакцію крестьянскому вопросу комиссіи подали адресъ, въ которомъ, между прочимъ, желали «образованія хозяйственно-распорядительнаго управленія, общаго для всѣхъ сословій, основаннаго на выборномъ началѣ», и какъ необходимаго къ нему дополненія, «содчиненія мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ» (гласнымъ съ присяжными), а также свободы печати», чтобы «дать возможность обществу доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія». Подобнаго рода желанія заявили вслѣдъ за тѣмъ губ. дворянскія собранія Ярославское, Нижегородское и Владимирское. Петербургское собраніе 1860 г. отвѣтило на заявленный въ газетахъ проектъ правительства о преобразованіи уѣздной полиціи на чисто бюрократическихъ началахъ, — вмѣсто выборнаго, хотя и сословно-дворянскаго, — адресомъ, въ которомъ замѣтило, что оно стоитъ не за сословный, но за выборный принципъ, и въ этомъ смыслѣ «желаетъ сохраненія и правильнаго развитія, подъ покровительствомъ самодержавной власти, издревле существовавшаго въ Россіи начала мѣстнаго самоуправления».

ду съ выше приведенными фразами о государственномъ значеніи земскихъ учреждений, столтъ такіа тенденціи: «Что касается до отношенія земскихъ учреждений къ прочимъ существующимъ правительственнымъ мѣстамъ и лицамъ, то земскія учрежденія, имѣя характеръ мѣстный и общественный, очевидно не могутъ входить въ рядъ правительственныхъ губернскихъ или уѣздныхъ инстанцій», или даже: «Земскія учрежденія, подчиняясь общимъ законамъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ различныя общества и частныя лица *), имѣютъ только право на содѣйствіе и исполненіе законныхъ своихъ требованій со стороны административныхъ правительственныхъ органовъ». Такія сентенціи уже напередъ отдавали распоряженія земскихъ учреждений, на которыя правительство взвалило цѣлый рядъ обязанностей и обще-государственныхъ расходовъ, по которымъ Положеніе 1864 г. лишило своей собственной исполнительной власти, на усмотрѣніе «правительственныхъ инстанцій» и лишило ихъ всякаго авторитета. Совершенно послѣдовательно этимъ сентенціямъ было издано распоряженіе 19 сентября 1869 г. (Высочайше утвержденное Положеніе комитета министровъ), имѣвшее по видимому частное значеніе (лишеніе земскихъ учреждений права безплатной разсылки корреспонденціи по почтѣ), но мотивированное съ явнымъ умысломъ общаго приниженія земскихъ учреждений въ ряду публичныхъ учреждений государства: корреспонденціи земскихъ учреждений отказано было въ правахъ корреспонденціи учреждений правительственныхъ на томъ-де основаніи, «что земскія учрежденія, ни по составу своему, ни по основнымъ началамъ, не суть власти правительственныя.

Это распоряженіе имѣло въ числѣ своихъ практическихъ послѣдствій освищеніе того пренебрежительнаго отношенія къ земскимъ учреждениямъ и той борьбы противъ ихъ дѣйствій, какую вело чиновничество «правительственныхъ инстанцій» и для которой высшая бюрократія, составившая Положеніе 1864 г., имѣла сильныя орудія не только въ видѣ правъ губернаторовъ останавливать рѣшенія земскихъ собраний, нохъ предложомъ ихъ противузаконности и несогласія съ «общими государственными пользами» (понятіе крайне растяжимое!), но и внутри самихъ собраний въ видѣ председателей, отъ земства независимыхъ и часто ему совершенно постороннихъ, чиновниковъ правительственныхъ. Уже самое назначеніе по Положенію 1864 г. въ всесословныя земскія соборія председателими предводителей дворянства или другихъ лицъ, которые специально могли быть назначены для этого правительственною властію, было нарушеніемъ принципа какъ всесословности земскихъ собраний, такъ и ихъ самостоятельности. Но и на этомъ дѣло не стало. Черезъ три года послѣ опубликованія Положенія издано въ разъясненіе 84-ст. Положенія Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта (13 іюня 1867 г.), о правахъ и обязанностяхъ председателей земскихъ собраний, превратившее этихъ председателей изъ распорядителей формальной

стороной преній въ прямую власть надъ собраніемъ. Постановленіемъ этимъ на председателя возложено право и даже обязанность судить о согласіи и несогласіи съ законами и предѣлами круга вѣденія земскихъ учреждений рѣчей и предложеній членовъ собраний, останавливать эти рѣчи и предложенія, отнимать слово у членовъ, уклоняющихся отъ уваженія къ закону и даже закрывать собраніе при безусыбности напоминаній председателя о нарушеніи членами соборія порядка, — такъ широко понимаемаго.

Мы не станемъ напоминать здѣсь примѣровъ того, какъ въ 1878—1880 гг. независимые отъ земскихъ собраний и даже начальствующие надъ ними председатели останавливали высказываніе соборіями истинныхъ мыслей населенія о направленіи общей внутренней политики, столь гибельной для страны, — а ограничимся указаніями на примѣры, свидѣтельствующіе о томъ, какъ положеніе о председателяхъ земскихъ собраний парализируетъ самыя скромныя, чисто хозяйственныя функціи земствъ и какихъ злоупотребленій оно служитъ источникомъ.

Въ послѣдній осенній сборъ земскаго соборія въ Валдаѣ, тверск. губ., произошла цѣлая исторія изъ за поискъ законнаго председателя соборія. Въ валдайскомъ уѣздѣ выборы предводителя дворянства, состоявшіеся въ 1880 г., были кассированы сенатомъ, а новый выборъ (въ іюнѣ 1882 г.) еще не утвержденъ, и пока должность предводителя временно занималось лицомъ, которое не явилось на земское собраніе по болѣзни. 6-го октября 1882 г. сошлось земское собраніе и стало гадать, кто имъ долженъ председательствовать. Порѣшили, что мѣсто предводителя долженъ занять засѣдатель дворянской опеки, каковой и сталъ председательствовать въ земскомъ соборіи. Но на пятый день на председательское кресло явился новый претендентъ: второй кандидатъ въ предводители на послѣднихъ выборахъ. Озадаченное собраніе отправило делегу къ губернатору съ вопросомъ, — кто долженъ въ немъ председательствовать? На 7 денешъ отвѣта не послѣдовало, — а время шло. Тогда собраніе, опасаясь, что бесполезно истечетъ срокъ его созыва, проситъ снова засѣдателя дворянской опеки занять председательское мѣсто. Но едва тотъ согласился и работы соборія возобновились, получила телеграмма отъ губернатора съ предложеніемъ закрыть собраніе и созвать его въ новый срокъ. Собраніе рѣшаетъ, что управа не имѣетъ права закрывать его, и постановляетъ продолжаться. На другой день получился новая денеша губернатора о назначеніи вышеупомянутаго кандидата исправляющимъ должность предводителя. Такимъ образомъ, у соборія оказался законный председатель, — по приключенію на этомъ не кончилось: губернаторъ пригласилъ собраніе вновь пересмотрѣть дѣла, обсужденныя въ четыре дня председательства засѣдателя дворянск. — на что собраніе, въ виду краткости оставшагося ему срока до закрытія, не согласилось, — что, конечно, даетъ поводъ губернатору опротестовать всѣ постановленія этого времени. Послѣ всѣхъ описанныхъ приключеній, рѣшительно невозможныхъ ни въ одномъ представительномъ соборіи въ

цивилизованномъ мірѣ, валдайское земское собраніе постановило ходатайствовать о предоставленіи земскимъ соборіямъ выбирать себѣ председателей изъ своей среды.

Въ Корсунскомъ уѣздѣ, симбирской губ. обязательное председательство предводителя дворянства въ земскомъ соборіи было источникомъ долгихъ злоупотребленій. Еще въ 1865 году въ земскую управу выбрапъ былъ г. Бестужевъ, бывшій вмѣстѣ и предводителемъ. Совмѣстительство это продолжалось до 1878 г., когда въ управѣ обнаружены были безпорядки не только въ дѣлопроизводствѣ, но и въ денежныхъ дѣлахъ. Председатель-предводитель употребилъ свои права на преніи кѣ раскрытію его злоупотребленій и, когда, наконецъ, дѣло дошло до сената, то послѣдній отрѣшилъ его отъ должности предводителя, назначилъ надъ нимъ слѣдствіе по должности председателя управы и сдѣлалъ ему выговоръ «за учиненные имъ безпорядки въ земскомъ соборіи, дошедшіе чуть не до драки». Въ Вятскомъ земскомъ соборіи председатель, управляющій государственными имуществами, покровительствуя своему подчиненному, представителю вѣдомства государственныхъ имуществъ, допустилъ ему подачу особаго мнѣнія, наполненнаго самыми оскорбительными заявленіями относительно соборія. Когда оскорбленные гласные подали свое заявленіе по этому поводу, то председатель не допустилъ его къ прочтенію, сдѣлалъ предостереженіе желавшимъ говорить о заявленіи и даже грозилъ административною расправою надъ подписавшимъ его.

Но даже подобныя факты блѣднѣютъ по сравненію съ тѣмъ, что позволяли себѣ дѣлать по отношенію къ земству губернаторы.

3. С.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ПАРЛАМЕНТАРИЗМУ?

(Окончаніе).

Показавъ въ предыдущей статьѣ, что политическая свобода *) сама по себѣ не въ состояніи обезпечить странѣ самоуправленія и что этого не могутъ также сдѣлать никакія мѣры, клонящіяся къ уменьшенію числа или увеличенію стойкости политическихъ партій и парламентскихъ группъ — просто потому, что подобныя мѣры невозможны — намъ предстоитъ теперь рассмотреть другія средства, предлагаемыя противъ недостатковъ современнаго представительнаго правленія.

Мы уже сказали, что средства эти, по мнѣнію Laveleye, могутъ быть двоякаго рода: децентрализація и независимость министровъ отъ палаты.

«Чѣмъ уже сфера дѣятельности центральной власти, говоритъ Laveleye, тѣмъ, очевидно, меньше будетъ зло отъ неустойчивости министерствъ и некомпетентности камеръ. Можно даже сказать, что децентрализація есть форма, припеющая демократіи. Если логически провести ее до конца, то можно, пожалуй, безъ особенныхъ неудобствъ, дойти и до примаго участія народа въ законодательствѣ, какъ въ

*) Курьезная оговорка: какъ будто «правительственные инстанціи» не подчиняются (конечно, въ теоріи) общимъ законамъ?

*) Здѣсь говорится о «политической свободѣ», централизованныхъ конституціонныхъ государствахъ и, конечно, не о той, которую Прудонъ называлъ «анархіей» и которая составляетъ идеалъ федерализма и децентрализаціи.